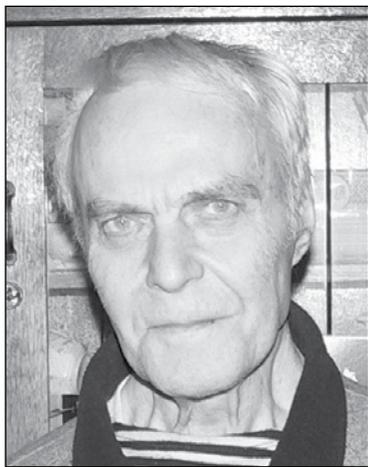

ОДИН ИЗ ТРЕХСОТ

В городке академиков в поселке Комарово живет Вадим Александрович Шубин, фронтовик, участник Сталинградской битвы. В Ленинград Вадим Александрович вместе с семьей переехал в 1961 году по переводу его на один из военных заводов главным конструктором. В одном из номеров нашей газеты мы писали, что медаль «За оборону Сталинграда», которой он был удостоен в 1942 году в числе всех участников Сталинградской битвы, Вадим Александрович получил только в декабре 2009 года – спустя 67 лет после сражения.

Война для 19-летнего Вадима началась в Сталинграде, где курсант Шубин после окончания аэроклуба учился в летном училище.

– Первые десять дней войны мы не чувствовали, – вспоминает ветеран, – осознание пришло, когда нас посадили на паек – хлеб стали выдавать по норме.

Через некоторое время училище эвакуировали в Кустанай, а часть курсантов в количестве трехсот человек оставили в Сталинграде для защиты города. Вадим Александрович до сих пор не знает, по какому принципу распределяли курсантов, но он попал в число тех трехсот.

СТАЛИНГРАД

– Нас перевели из летного училища в танковое, на тот момент в городе тракторный завод стал выпускать танки, поэтому нас определили в танковые части, – продолжил рассказ Вадим Александрович. – Мы прошли подготовку в этом училище и осенью 42 года встали на защиту Сталинграда.

Война приближалась к городу, танки на фронт – он был в 70 км – шли своим ходом. Накануне перед отправкой им объявили приказ Сталина, из-

вестный под номером 1027 – «Ни шагу назад». Кто будет отступать, расстрел на месте. Тогда же были созданы заградительные отряды из войск НКВД, отступать было некуда.

– Наш экипаж из четырех человек, фамилий уже не помню, подобрался веселый. До линии фронта ехали ночь на танке БМ-4, в пути шутили, что это аббревиатура выражения – «Братская Могила на четверых».

О том, как они сражались за Сталинград, Вадим Александрович рассказывать не стал, это слишком тяжелые воспоминания. Но было видно, что память его хранит много подробностей: свист пуль, бомбежки с самолетов, фонтаны артиллерийских взрывов, гибель боевых товарищей – для него будто это было вчера...

...В одном из вражеских наступлений их танк подбили, старший сержант Шубин, он был механиком, и еще двое оказались тяжело ранеными, только радист остался целым.

– Удивительно, что его не задело, – улыбаясь, вспоминает ветеран, – даже ссадины не было. Я его встретил потом в Нижнем Тагиле, когда танки получал, и он туда приехал, говорил, что со времени Сталинградской битвы уже три танка и три экипажа потерял, но не был даже ранен. Везет же человеку. Он снова получил танк и ушел на фронт.

После того боя всех четырех танкистов БМ-4 наградили орденами «За боевые заслуги».

В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ

Получив боевое ранение, Вадим Александрович попал в госпиталь, который оборудовали в городском театре. Кровати для раненых разместили в зрительном зале.

– Как-то раз, – вспоминает Шубин, – в проходах между койками ходил человек, у которого голова была вся черная, обугленная после сильных ожогов, руки, перевязанные марлей, обильно пропитанной рыбьим жиром. Он мучился от боли, не мог лежать, поэтому ходил по залу между кроватями. Вдруг остановился возле моей койки и спрашивает: «Что, не узнаешь?». А у него лицо обгорело так, что зубы одни торчали, родная мать не узнает. Я подумал, что если скажу, что не узнаю, то убью его этим, говорю, что-то припоминаю, он только сказал: «Семенов я» – и пошел дальше. Это был курсант танкового училища, горел в танке, больше я его не видел.

После «театрального» госпиталя Вадим Александрович попал в стационарный госпиталь города Вольска, куда всех раненых каждую ночь из Сталинграда переправляли на баржах по Волге.

СНОВА В АВИАЦИИ

В 1943-м старший сержант Шубин вернулся в авиацию, к полетам после ранения его не допустили, поэтому служил механиком в части под Тамбовом, которая обслуживала перелетающие на фронт самолеты.

– Я знал все типы отечественных и зарубежных самолетов, – продолжил рассказ Вадим Александрович. – Через наши руки прошли Кобры, Бостоны, ЯКи, Илы – все. С летчиками у механиков были особые отношения, каждый из нас нес огромную долю ответственности за свою работу. Доверие со стороны летчиков было абсолютным, только спрашивали: «Машина готова?» – садились в самолет, запускали двигатель и уходили в воздух. А мы дела-

ли все, чтобы машина была исправна.

Однажды на аэродром вернулся самолет с пробитым бензобаком, механику Шубину нужно было его снять, чтобы заделать дыру. Он снял, как смог, помыл и понес бак к сварщику, который по возрасту годился Вадиму в отцы. Тот посмотрел на бензобак и спрашивает:

– Мыл?

– Мыл

– Иди, мой еще.

– Да мыл я его.

– Тогда садись на бак, буду варить.

После этого предложения возражений у сержанта Шубина уже не было, драил бак кипятком как следует.

СЧАСТЛИВАЯ ДРАКА

В День Победы он служил там же, в Рассказово Тамбовской области. 9 мая Вадиму выпала очередь быть дежурным по кухне. Рано утром в части объявили, что немецкое командование объявило о капитуляции. Победа!

– К обеду командир распорядился выделить бидон водки в столовую, – с улыбкой вспоминает Вадим Александрович. – Я выполнил приказание, притащил целый бак спиртного, все получили по стакану водки и обед. После выпитого переполненные эмоциями от известия о долгожданной Победе, все стали драться от счастья с криками: «А у нас в Москве так бьют!», «А у нас в Ростове вот так бьют!». Потом долго еще ходили довольные, с синяками и ссадинами.

В марте 1947 года сержант Шубин демобилизовался из рядов Красной Армии.

В январе 2012 года Вадиму Александровичу исполнилось 90 лет. Последние два года болезнь приковала его к постели. Рядом с ним его верная спутница – супруга Валентина Евдокимовна. Чета Шубиных в прошлом году отметила золотой юбилей семейной жизни.

Гульнара Максарова